

Срок на покаяние

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ТЮРЕМНОГО
СЛУЖЕНИЯ
В ХАНТЫ-
МАНСИЙСКОЙ
ЕПАРХИИ**

По данным Российского агентства правовой и судебной информации, сегодня в России в местах лишения свободы находятся около 520 тысяч человек. В зависимости от совершенного преступления они содержатся в разных условиях, но у каждого есть возможность пообщаться со священником, исповедаться и причаститься. Как устроена в зоне духовная жизнь, повлияло ли на нее неуклонно растущее число мусульман в тюрьмах Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), в какой момент к отбывающему наказание человеку приходит искреннее покаяние, как священнику работать с разными группами осужденных, «Журналу Московской Патриархии» рассказал настоятель храма иконы Божией Матери «Споручница грешных» на территории исправительной колонии строгого режима № 11 в Сургуте протоиерей Георгий Кошелев.

Псалтирь вместо снотворного

— Ваше Высокопреподобие, по долгу священника вы бываете во всех учреждениях Управления Федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) округа. Отличаются ли в них условия для духовной работы с содержащимися под стражей?

— Да, условия для духовного окормления везде разные. Например, в исправительной колонии (ИК) осужденным можно посещать богослужения, брать в библиотеке при храме духовную литературу, оставаться на чаепитие и беседы после службы согласно распорядку дня. В изоляторе временного содержания (ИВС) и следст-

венном изоляторе (СИЗО) богослужения не проводятся, так как храм там не предусмотрен. В ИВС я исповедую и причащаю людей через решетку. В СИЗО есть отдельная комната, куда ожидающих суда обвиняемых приводят поодиночке. Там их можно исповедать и причастить, если нужно — совершить таинство Крещения. Из православной литературы подследственным в ИВС и СИЗО доступны только Библия и молитвослов. Но по их просьбе я могу принести и другие духовные книги.

— *Обвиняемые не боятся, что в молельной комнате в СИЗО могут быть подслушивающие устройства?*

— По договоренности с администрацией там не должно быть никаких подслушивающих устройств. По крайней мере, я на это очень надеюсь. Но в ИВС, где для нас даже комнаты отдельной нет, а вокруг другие камеры, я объясняю, что грехи можно написать на бумаге, что это такая же исповедь, как и устная, и, прочитав, я сразу листок уничтожу. Но кто-то хочет выговориться, чтоб именно так вырвать из своей души всю грязь. Еще я заметил, что, находясь в СИЗО в ожидании суда, обвиняемые часто не так откровенно исповедуются, как, например, в колонии. Хотя это объяснимо, сейчас все их молитвы и мысли не о покаянии, а о том, чтобы суд прошел благополучно и их освободили либо дали небольшой или условный срок.

О каком-то серьезном духовном осмыслении своей жизни у большинства людей, лишившихся свободы, можно говорить только после приговора. Но все равно я считаю, что это хоть и маленький, но все же шаг к Богу. Первый опыт общения со священником, исповедь, молитва — все это в дальнейшем поможет, и, когда человек окажется в колонии, ему будет проще прийти в Церковь и влиться в общину. Что касается подготовки к таинству, естественно, никакой трехдневный евхаристический пост в СИЗО и в ИВС соблюдать невозможно, поэтому прошу после полуночи не есть, не пить и не курить. Прихожу в одиннадцать часов утра и причащаю. Раньше не получается по причинам административного свойства.

— *Как строится ваша работа с недавно крестившимися заключенными? Можно ли говорить о каких-то признаках покаяния уже на первой встрече?*

— Причины, которые впервые приводят осужденного в храм, могут быть разными: от простого любопытства и каких-то меркантильных интересов до естественной потребности души. В любом случае мы сначала знакомимся, он рассказывает, почему решил прийти, как оказался в местах лишения свободы, верит ли в Бога, к чему стремится в своей жизни. А я знакомлю его с основами христианской жизни. Обязательно даю какие-то задания, чтобы он осваивал навык молитвы, читал духовную литературу (в том числе брошюру «В помощь кающимся», книгу архимандрита Иоанна (Крестьянкина) «Опыт построения исповеди») и обязательно приходил

на богослужения. Если есть желание, он исповедуется и причащается. Через месяц мы снова общаемся, и я могу отследить его духовный рост. Поскольку чаще всего за это время приходит понимание своих грехов, говорить с ним уже проще. Но поначалу он нередко видит только ту провинность, за которую его посадили. А понимания того, что есть и другие не менее тяжелые проступки, в которых Господь ждет от него покаяния, еще нет.

Настоящее, глубокое покаяние, когда человек буквально рыдает на исповеди, к каждому приходит по-разному: у кого-то через месяц-два, а у кого-то через год-другой. Это происходит, когда души касается благодать. И в какой-то миг осужденный настолько осознает свои грехи, что начинает каяться во всех своих скверных деяниях с самого детства: во взаимоотношениях с родителями, со сверстниками и дальше. Вспоминает о преступлениях, о которых никто не знает, кроме Господа Бога. Такие исповеди длятся 2–3 часа, и после них хоть сам иди на духовную реабилитацию, чтобы очиститься от всех тяжелых мыслей и эмоций, которые появляются у тебя по отношению к этому человеку. Потому что видишь — он действительно опасен для общества. И бывает, я потом всю ночь читаю Псалтирь, чтобы уснуть.

Молитва за решеткой

— *Были случаи, когда после таких искренних исповедей заключенные становились совершенно другими людьми?*

— Да, причем встречаются и такие, кто накладывает на себя серьезные духовные подвиги: молятся по два-три часа в день, активно читают духовную литературу, строго соблюдают посты. В храме на территории ИК-11, где я служу, удалось собрать хорошую библиотеку с разнообразной православной литературой. Можно читать прямо там, а можно взять книгу в отряд. Такое чтение меняет сознание заключенных и взгляд на жизнь в целом. Они размышляют о своем будущем и анализируют прошлое уже с духовно-нравственной стороны.

Правда, в отряде они живут в казармах на 50–100 человек, там самая разношерстная компания. Двухъярусные койки стоят вплотную друг к другу, и сосредоточиться на молитве или чтении непросто. Поставить в уголке иконку и перед

ней помолиться невозможно. Это может вызвать неадекватную реакцию у сокамерников — над верующим будут смеяться и даже могут спровоцировать на какой-то конфликт, чтобы потом сказать: «Вот видишь, ты ходишь в храм, а сматерился». Хотя с появлением осужденных мусульман, которые не стесняются проводить намаз прямо в камере или казарме, насмешек стало меньше. Им без разницы, смотрят на них или нет. И они всячески подчеркивают: мы верующие. Они друг за друга горой! И если кто-то попытается отпустить шутки в их адрес, у него могут появиться проблемы. Нет худа без добра, потому что, глядя на мусульман, другие осужденные тоже задумываются о своей вере.

К слову, в ИК-11 в будние дни после утренней и вечерней поверки верующие осужденные самостоятельно собираются в храме для чтения молитвенного правила, Псалтири. А в воскресенье, если нет священника, вместе читают утренние молитвы, Апостол, Евангелие и потом обедницу.

— *В храме Божией Матери «Споручница грешных» есть свой хор?*

— Да, у меня среди прихожан Никольского храма, где я тоже служу настоятелем (см. справку), есть регент Галина Яковлевна, ей уже 70 лет. Она помогает мне в тюремном служении. Причем она не только сама поет, но из нескольких заключенных собрала церковный хор для храма при колонии. И потихоньку обучает певчих премудростям службы. Они очень стараются. Точно так же мы нашли из числа осужденных и чтецов, обучили прямо на месте. И они хорошо читают, порой даже лучше, чем некоторые чтецы на свободе. Конечно, без ошибок на богослужении не обходится, но мы их корректируем. И потом смотришь, их уже можно в храме ставить служить на воле.

— *Как для ваших подопечных в колонии проходит Великий или Рождественский пост? Многие ли соблюдают посты?*

— Понятно, что никто специально постную пищу для них готовить не будет. Я советую обычно не отказываться от пищи, есть что дают. Если очень хочешь — не ешь скоромное, а только гарнир, суп, хотя он и на мясном бульоне. Но серьезно к посту относятся лишь те, кто или здесь давно ходит в храм, или когда-то ходил на воле. Они считают, что Великий пост надо соблюдать даже в зоне по всем правилам. Тут часто сказывается

*Общая численность исправительной колонии № 11 — около **1200** осужденных. В среднем в ИК-11 ежегодно принимают таинство Крещения **25–30** осужденных. Храм «Споручница грешных» постоянно посещают **40–50** человек. Богослужения проходят **1–2** раза в месяц. Исповедь и духовные беседы — **еженедельно**.*

*Регент Галина Яковлевна на клиросе со своими подопечными (вверху справа)
Причастие в храме иконы Божией Матери «Споручница грешных» (внизу)*

влияние духовной литературы, где даны примеры подвижников. Но я объясняю: главное тут — не навредить себе, своему здоровью, потому что это уже грех. Предлагаю другие подвиги взять на себя, например весь пост не материться. Это намного сложнее, чем не есть мясо, ведь мат в зоне — язык общения, причем зачастую и среди сотрудников.

А кому-то в пост легче на хлебе и воде сидеть, чем бросить курить. «Нет, — говорю, — так не пойдет, давай ты лучше вполтину меньше сигарет будешь курить во время поста». Другому советую почаще в пост читать Псалтирь и духовную литературу.

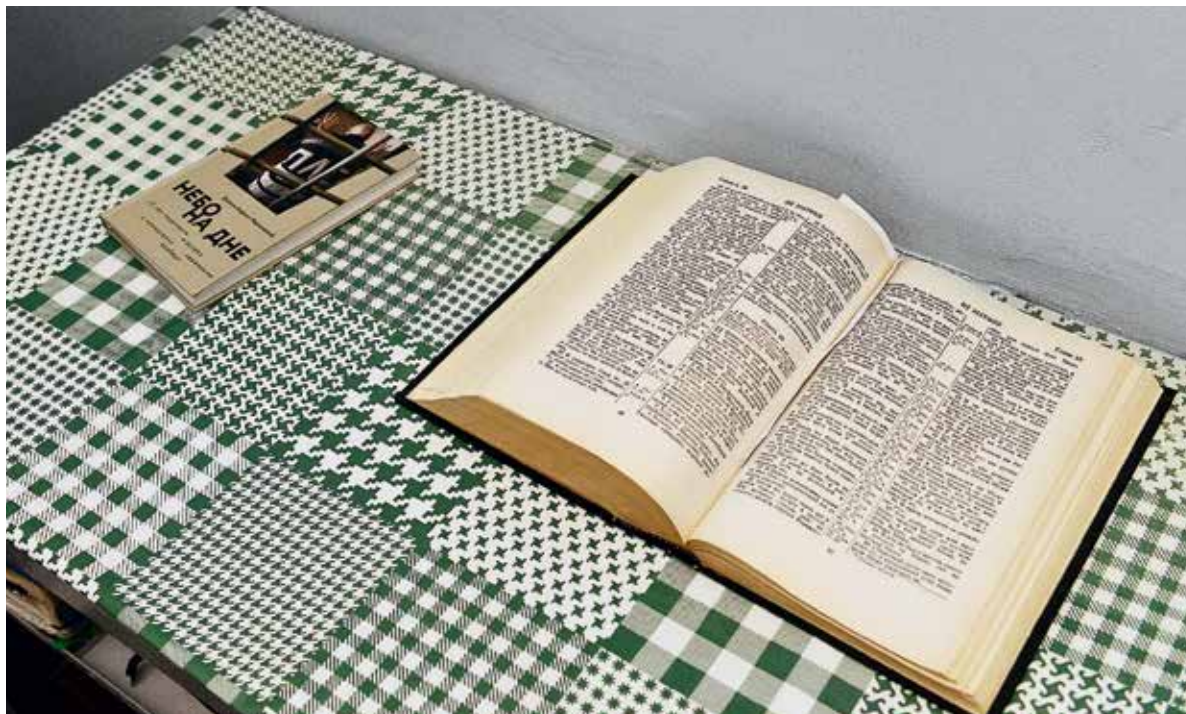
Монахи, мученики, приспособленцы

— Бывают ли случаи, когда кто-то в процессе воцерковления вдруг говорит: «Батюшка, я хочу исповедовать вам свои помыслы»?

— Этих людей я называю «монахами». Такая перемена ума произошла в них в основном под

влиянием святоотеческой литературы. И после освобождения эти верующие, как правило, уезжают в монастыри. Мне об этом говорили те, кто держит с ними связь на воле. Но эти подвижники, к сожалению, тоже иногда впадают в крайности. Например, человек начинает строго поститься, буквально голодает, и в итоге оказывается в больнице.

Был случай, когда осужденный умер, взяв на себя слишком тяжкое бремя поста. Когда он еще был здоров, я пытался убедить его соблюдать разумную меру, а он будто не слышал и весь Великий пост сидел на хлебе и воде или вообще целый день ничего не ел, только вечером позволяя себе корочку хлеба. И допостился до того, что заболел туберкулезом, попал в больницу и умер. К счастью, я успел причастить его перед смертью. Это был профессиональный спортсмен, человек с железной волей и искренне верующий во Христа. А на зоне оказался за хранение и распространение наркотиков. Говорили, что

Чтение духовных книг меняет сознание осужденных. Они задумываются о своем будущем и анализируют прошлое уже с духовно-нравственной стороны.

его дело сфабриковано. Видя чистоту его души, я очень искренне ему сострадал, но ничего изменить не смог. Он говорил, что раз заболел — это наказание ему за какие-то проступки, которое нужно претерпеть до конца. И после этого случая я стал более осторожно подходить к выбору святоотеческой литературы и стараюсь теперь таких ревностных православных немного ограждать от серьезного богословия, пытаюсь контролировать их духовные порывы: «Выйдешь на свободу — подвизайся в монастыре, там будешь нести подвиги под опытным духовным руководством. А пока надо подождать».

— *Известно, что среди осужденных есть искусные манипуляторы. Как священнику их разгадать?*

— Да, таких я называю «приспособленцы». Они пытаются через священника и храм получить какие-то выгоды. Их легко отличить по формальной исповеди. Они не знают, что сказать, в основном только слышишь от них жалобы на окружающих, недовольство жизнью и просьбы

о ходатайстве об УДО (условно-досрочном освобождении). Им надо дать почитать книжку «В помощь кающимся», попросить выучить Символ веры, и они, скорей всего, убоятся бездны премудрости и сами больше не придут.

Но в то же время ты такого не можешь выгнать: вдруг его коснется искра Божественной благодати? Пытаешься с ним разговаривать, что-то придумываешь, что-то предлагаешь, но быстро понимаешь, что он все это не воспринимает. У него, к сожалению, какие-то свои цели, не имеющие отношения к вере. И когда он выходит на свободу и приходит к тебе в Никольский храм, ты видишь, что и здесь он только с корыстными соображениями: то дай ему одежду, то денег, то один вопрос за него реши, то другой. И при этом он все время подчеркивает — я же ходил в храм, я же молился, я же теперь ваш прихожанин! Общаться с такими, наверное, тяжелей всего.

А бывает, в местах лишения свободы человек искренне пришел к вере и сам готов всегда во всем тебе помочь. Потом эти люди создают свою жизнь уже за пределами зоны, ходят в храм и создают семьи. Таких большинство. Это приносит мне облегчение и ощущение, что работаю здесь не зря.

Встречаются и такие, кто искренне благодарит Бога: «Слава Богу, что сел в тюрьму». Потому что человек постепенно осознает, что находился

в таком помутнении сознания (считая его нормой), что мог бы и более тяжкие преступления совершить. А другой благодарит, потому что понял, что умер бы на воле от передозировки наркотиков.

— **Святитель Иоанн Златоуст в «Слове о заключенных в темницу» говорит, что если человек в своих лишениях и темничном содержании будет соблюдать заповеди Божии по отношению к себе и окружающим, он — мученик. Почему мученик, он же несет заслуженное наказание?**

— Да, может быть, они и несут справедливое наказание за содеянное, но когда приходят к искреннему покаянию, то со слезами сокрушаются о своих грехах. Их совесть пробуждается и так их мучает, что они не могут спокойно спать. Они читают молитвенное правило, как монахи, сидят в посты на хлебе и воде, бросают курить после многолетнего стажа, не могут слышать сквернословия, которое льется вокруг них рекой. Таких можно назвать мучениками.

— **Я слышал, что в некоторых епархиях трудно найти ответственных священников для тюремного служения. Назначить можно, а насколько добросовестно они будут исполнять свои обязанности — большой вопрос. У вас есть такая проблема?**

— Да, у нас так же. У духовенства нет большого желания служить в местах не столь отдаленных.

Обычно бывает так, что раз благословили, то батюшка вроде и ходит в зону, но скоро выясняется, что делает он это формально. Пришел раз в месяц, одного-двух исповедовал, с кем-то побеседовал, провел молебен и ушел. А потом выясняется, что его еще сто человек ждали. Я это понимаю, но мне, например, до СИЗО в Нижневартовске из Сургута ехать 220 километров в один конец. Хочется сказать коллеге: ты хоть раз в неделю приходи, хоть десять человек исповедуй, и такого аврала у меня уже не будет. Я озвучивал эту проблему на собрании духовенства, священника поменяли, новый вроде начал ходить, а через какое-то время все вернулось на круги своя. И кажется, все всё понимают, но это такой труд тяжелый, что не каждому по силам. В СИЗО многие обвиняемые находятся в состоянии отчаяния, уныния, нужно их как-то успокоить, утешить, дать надежду. И с такими общаться — это не бабушек у себя на приходе исповедовать. И наверно, надо как-то отдельно к этому священников готовить, может быть, даже как-то стимулировать.

Если мы этого не будем делать, никто за нас проблему не решит.

Смиранный разбойник

— **Бываете ли в камерах, где сидят совершенно отпетые осужденные? Не боитесь, что на вас нападут или возьмут в заложники?**

**Протоиерей
Георгий Кошелев,**

настоятель храма свт. Николая Чудотворца поселка Белый Яр и иконы Божией Матери «Споручница грешных» на территории исправительной колонии № 11 в г. Сургут Ханты-Мансийской епархии. Тюремным служением занимается с 1999 г. С 2016 г. как помощник начальника УФСИН по организации работы с верующими осужденными курирует изоляторы временного содержания, следственные изоляторы и ИК. Во всех учреждениях, кроме изоляторов временного содержания, есть храмы или молитвенные комнаты.

— Должность (см. справку) обязывает меня обходить всех, кто сидит в ИК-11. И узнавать об их духовных потребностях. Обычно рядом со мной сотрудник колонии. Но даже если я один, то всегда стараюсь внутренне молиться, это отгоняет неприятные мысли. Особо опасные осужденные, совершившие какие-то проступки уже на зоне, содержатся в отдельном корпусе — в помещениях камерного типа (ПКТ), на жаргоне — «крытка». Представьте себе камеру в 8 квадратных метров, которая освещается только лампой в 60 ватт. Наверху окошечко, в которое едва проникает солнечный свет. И там 4–6 человек. Некоторые сидят в одиночке. Все койки утром складываются и прикрепляются к стене. Осужденным днем запрещено лежать, можно либо сидеть, либо стоять. И там они в зависимости от нарушения находятся полгода или год. Как правило, у большинства нет особого желания со мной общаться, но бывают исключения. Могут и Библию попросить, и другую духовную литературу. А иногда просят на исповедь. Отказать им в этом никто не вправе. И через администрацию мне предоставляют помещение, где можно с этим человеком пообщаться.

Недавно у нас в ИК-11 был удивительный случай. Один заключенный сидел за разбой в одиночной камере в «крытке». Когда я пришел к нему, он пожелал креститься. Но в этом корпусе для совершения таинства нет никаких условий. А выходить оттуда куда-либо, в том числе в храм, запрещено. Тем не менее я приносил ему духовную литературу, он начал ее читать и готовиться к крещению. Со временем его поведение изменилось настолько, что это даже заметила администрация. Исчезло постоянное вызывающее хамство, провоцирование сотрудников. Скоро администрация рассмотрела его дело и решила, что он уже не так опасен и его внутри этого корпуса из одиночки можно перевести в отряд со строгими условиями содержания. Я договорился, и мы его крестили. После этого он стал совершенно смиренным. Даже его колючий, недоверчивый, вызывающий взгляд стал спокойным и доброжелательным.

И через некоторое время, видя, как человек меняется на глазах, его перевели в отряд с обычными условиями содержания. До этого он относился к так называемой «отрицательной группе осужденных». Это те, кто с враждебностью вос-

принимает любые инициативы администрации и слывет первым зачинщиком беспорядков. Он стал нормальным человеком, что для администрации было поразительно. Они были уверены — он притворяется, что-нибудь сейчас выкинет, и его опять придется сажать в «крытку». Прошло еще немного времени, и вдруг мы узнаем, что его освобождают по УДО. Для всех это был шок! И сами осужденные, и сотрудники называли это чудом, ведь шансов выйти на свободу раньше времени у этого человека не было. Но Господь вывел его из этой криминальной субкультуры, в которой он сидел по самые уши. С точки зрения атеиста это необъяснимо. А для нас понятно: когда человек начинает работать над собой и просит Бога помочь ему стать лучше, его жизнь меняется. Это очень важно, поскольку я могу другим осужденным привести его в пример: вот был такой авторитет, занимавший определенное положение в криминальной иерархии, и вдруг стал нормальным человеком. Но это, конечно, единичные случаи.

— *Обращались ли к вам верующие осужденные с вопросом: мы же покаяться, готовы изменить свою жизнь — почему Божия воля нам тут по-прежнему находится? Где Божественная справедливость?*

— Искренне раскаивающиеся рассуждают иначе. Принимают ситуацию такой, как она есть, и полагаются на волю Божию. Да, их тяготит эта криминальная среда и отношения и хотелось бы поскорее отсюда освободиться. Но они смиряются со своей долей: раз так надо — придется потерпеть. И никого не винят в своей участи. «Справедливости» требуют как раз те, кого я выше назвал приспособленцами. От этих регулярно слышу: «Я ни за что сижу», «Батюшка, напишите мне ходатайство, чтобы меня скорее освободили». Но ходатайство священника может сыграть свою роль, если человек попал на зону впервые и находится в условиях общего режима. А для «второходов», да еще в колонии строгого режима, оно не имеет значения — его судьбы, как правило, в расчет не берут. Они смотрят больше на поощрения и взыскания со стороны администрации исправительного учреждения.

— *Проводите ли вы просветительскую работу среди сотрудников колонии?*

— Да. Среди них, конечно, есть как православные и воцерковленные люди (прихожане храмов

за пределами зоны), так и атеисты. Вместе с другими священниками я провожу общие беседы с персоналом на духовные темы, которые приурочены к праздникам Рождества, Крещения, Пасхи. Большинство стесняются задавать вопросы из зала и подходят после собрания. Бывает, обращаются с просьбой исповедаться. И потом приезжают ко мне в Никольский храм. Было несколько случаев, когда после исповеди сотрудники вдруг пожелаали крестить своих маленьких детей.

— Вы не замечали, что некоторые сотрудники и осужденные в каких-то своих проявлениях очень похожи?

— Есть работники в учреждении, которые, как и осужденные, разговаривают в основном матом. И если заключенные все-таки стараются не злоупотреблять нецензурной бранью при священнике, то некоторых сотрудников это не смущает. В основном это те, кто не один десяток лет работает с особо опасными преступниками. Возможно, это оставляет такой тяжелый след, что души черствеют, и, к слову, они уже ни с чем ко мне и не обращаются.

— По каким вопросам вы сотрудничаете в зоне с психологами?

— Одно из направлений — профилактика суицидов. В первую очередь, конечно, это касается осужденных. Хотя сейчас в России и среди сотрудников тоже, к сожалению, случаются самоубийства. Поэтому мы такие беседы проводим и с теми и с другими. Подключить духовенство к этой работе предложили сами психологи. Мы объясняем, что добровольное лишение себя жизни — большой грех, рассказываем, как бороться с искушением. И бывают случаи, когда человек начинает отслеживать у себя подобные мысли, обращается к Богу за помощью, молится и потом приходит в храм.

— Что бы вы посоветовали молодому священнику, если он хочет заниматься тюремным служением, каких ошибок ему нужно остерегаться? И может ли возраст быть помехой в этом служении?

— Возраст священника для осужденных не имеет значения. Важно отношение батюшки к этому делу. Я тоже был молодой, когда начал. В целом, когда ты приходишь как священник, к тебе так и относятся, невзирая на возраст. Важно сохранять свою позицию — ты священник

и к тебе нужно обращаться с духовными вопросами. Даже когда речь заходит о каких-то жизненных темах, молодому священнослужителю надо сразу сказать: я не имею такого опыта, но с христианской точки зрения надо поступить так-то и так-то. У нас и молодые иереи ходят по тюрьмам, и когда я после кого-то из них прихожу, осужденные говорят: «Вот хороший батюшка был, молодец, хорошо нам все объяснил». А остерегаться надо теплохладности, когда батюшка относится формально к своим обязанностям. Тогда — да, и недоверие будет к нему, и пренебрежение, и неуважение. И весь труд пойдет на смарку. Священнику важно оставаться добрым пастырем, который пришел спасти, а не наемником и строгим судьей. Строгости там и без нас хватает, а осужденные больше всего ждут доброго слова и сочувствия.

Беседовал Алексей Реутский